

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации
Александровой Марии Александровны
«Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”»,
представленной на соискание учёной степени доктора филологических
наук по специальности 10.01.01 – русская литература
(Нижний Новгород, 2021)

Диссертация Александровой Марии Александровны «Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”» стала завершением многолетнего труда исследовательницы над данной тематикой. Ее работа хорошо известна специалистам как добротная, основательная и в то же время новаторская, выполняемая с не предвзятых, но научно обоснованных позиций. **Актуальность** определяется необходимостью охарактеризовать творческую позицию Б. Окуджавы «в её соотношении с прижизненной репутацией писателя как ”певца старины”». В связи с этим поставлена и достигнута **«цель исследования – определение своеобразия художественно-философской концепции прошлого в произведениях Окуджавы...»** (с. 3 Автореферата). **Научная новизна** работы заключается в том, что в ней впервые творческое наследие Б. Окуджавы анализируется «в аспекте полемики художника с идеализирующим мифом о прошлом», а в качестве одной из доминант выделяется «преодоление ностальгических искушений, стремление к исторической трезвости» (там же), и притом предлагается целостная концепция творческого самоопределения писателя.

Работа состоит из 12 глав, Введения и Заключения. Многоуровневое построение работы и множественность глав predeterminedены полнотой охвата многожанрового творческого наследия писателя, в котором представлены: разнообразные прозаические формы от романа до «автобиографического анекдота», драматургия и кинодраматургия, лирика. Библиографический список насчитывает 862 наименования источников и литературы.

Первые три главы диссертации: «Ностальгия по “золотому веку” как фактор литературной репутации Булата Окуджавы», «“Запрос на прошлое” в культуре XX века» и «“Золотой век” как неомиф» – посвящены теоретическому обоснованию концепции и общей характеристике контекста, на фоне которого рассматривается творчество Б. Окуджавы. обстоятельное рассмотрение мифологизирующее сознание интеллигенции в позднесоветский период, как убедительно показала М. Александрова, необходимо для того, чтобы правильно понимать характер отношения публики к творчеству знаменитого «барда», и более узко – для того, чтобы верно интерпретировать немногочисленные критические статьи, которые удавалось напечатать сторонникам поэта. Так например, статья авторитетного С. Чуприна «Наясный огонь» (1985), которая может показаться лишь поверхностно-эмоциональной, в разборе М. Александровой (с. 23–29 и др.) предстает настоящим зеркалом мышления интеллигенции позднесоветского периода.

Произведения Б. Окуджавы, посвященные А. Пушкину, А. Грибоедову, М. Лермонтову, анализируются в 4 главе. Здесь убедительно показан самобытный взгляд нашего современника на великих предшественников, его независимость от ходячей «мифологии». В частности, научные выводы, высказанные Ю. Лотманом в частной переписке, а потому нуждающиеся в широкой популяризации, получают здесь дополнительное обоснование: «...Щёголев со товарищи много вреда наделали: <...> они создали миф “поэт и царь” и представили Пушкина замученным интеллигентом. Эти идеи прочно въелись»¹. Б. Окуджава отмечал, опять-таки в частной переписке, что у него появился авторитетный сторонник в лице Ю. Лотмана. Благодаря студиям М. Александровой смысловое зерно этих важных сообщений актуализируется.

Главы с шестой по восьмую посвящены «батальным полотнам» разных жанров и дают их убедительный анализ. Отметим в качестве большой заслуги диссертанта, что здесь внесен ценный вклад в комментирование

¹ Лотман Ю.М. Письма. С. 347–348. (Прим. М.А.)

исторических романов – в раскрытие их документальных источников. Так, обнаружен недостающий ранее перевод воспоминаний актрисы Фюзи. Закономерно, что он нашелся в «Русском архиве», что позволило исследовательнице указать на П.И. Бартенева как публикатора и как переводчика: «Этот вариант “Записок...” отличается изящным стилем – и некоторой вольностью перевода²: публикатор позволил себе редакторскую правку, обычную для его деятельности»³ (с. 354). Усердные поиски недостающего фрагмента текста (по моей просьбе О.М. Розенблюм беседовала с предполагаемыми переводчиками, что дало тогда отрицательный результат), оказавшиеся ранее бесплодными, ныне увенчались успехом.

Еще один ценный комментарий к «Свиданию с Бонапартом» относится к одному из ключевых мотивов в образе генерала Опочинина в романе и в лирике Окуджавы – «лед Зачанского пруда». Александрова показывает, что эпизод «восходит к историческому факту, который извлечён Окуджавой со всеми подробностями, за исключением воинского звания спасённого, из упомянутого нами в VII главе очерка А.М. Васютинского “Наполеоновский солдат”»⁴. Эти и другие примеры соотношения текста с претекстом крайне ценны. Они наглядно показывают, как именно Б. Окуджава работал с источником, опираясь не только на сюжетную канву, но воспроизводя особенности экзистенциальной парадигмы свидетелей былых эпох.

Иначе выглядит литературная реминисценция: в ней сопоставление, например, «варварских» сцен (спасение из горящего дома) с «Пропущенной главой» «Капитанской дочери» А. Пушкина ведется по контрасту.

Особую ценность представляет Глава IX, посвященная анализу бытования декабристского мифа. Думается, именно здесь избранная

² «Е.В. Азимова, сделавшая для С.С. Бойко современный перевод «Souvenirs d'une actrice» ([ТвБО, 342]), отмечает в параллельных мемуарах местах романа «ряд неточностей», что как раз и объясняется своеобразием бартеневской работы с текстом» (с. 354 Диссертации).

³ См. об этом: Брюсов В. «Обломок старых поколений». С. 116. (Прим. М.А.)

⁴ Васютинский А.М. Наполеоновский солдат // Отечественная война и русское общество. Юбилейное издание: 1812–1912 / Под ред. А.К. Дживилегова, С.П. Мельгунова, В.И. Пичета. Т. III. М., 1911. С. 54. (Прим. М.А.)

Александровой методология работает наиболее эффективно. Глубокие корни декабристского мифа, относящиеся к XIX и к серебряному веку, показаны в диссертации неполно. Однако значение этого мифа, в частности, для «двойного сознания интеллигенции» (В. Кормер) действительно нельзя переоценить. Выводы главы указывают на трудный путь Окуджавы к исторической трезвости. Например: «утопическому финалу послания “В Сибирь” (“Оковы тяжкие падут, темницы рухнут...”) противопоставлены отчаянные фантазии “маленького человека” о рухнувшей стене Петропавловской крепости» (с. 456) («Бедный Авросимов»).

Отметим также точность последней главы, посвященной подведению жизненных итогов, и ценность выводов Заключения. Например: «Когда “потомок тифлиских лавочников” соглашается узнать себя в Бароне, которому в лицо кричат: “Не было карет! Ничего не было!”, все попытки унижить поэта разбиваются об этот встречный акт самоиронии» (с. 566). Вся сложность коллизии «Окуджава и миф» отражена в заключении: «По своей душевной организации, по художественному складу Окуджава не был расположен к мифоборчеству» (с. 572), каковым, однако, вынужден был заниматься.

Особого необходимо отметить то обстоятельство, что все наблюдения диссертанта делаются в самом широком контексте литературы, современной творчеству Б. Окуджавы. Из числа наиболее значимых отметим сопоставление пьесы «Глоток свободы» с «Декабристами» Л. Зорина, стихотворения «Берегите нас, поэтов...» со стихотворением «Поэты» С. Щипачева и мн. др.

Переходя к обсуждению спорных положений диссертации, остановимся на понятии «мифа». Этот теоретический концепт в целом не входит в сферу научных интересов оппонента. Мы остановимся только на применении понятия «миф» конкретно к анализу творчества Окуджавы в его соотношении с контекстом.

Верно, что «Совпадение тематики произведений Окуджавы с репертуаром литературы ностальгического пафоса обусловило репутацию, которая не соответствует реальной творческой позиции писателя» (с. 14). Это соотношение, как видим, успешно анализируется с применением понятия литературной репутации.

Говоря же об эмпатии, которая необходима для понимания «мемуаров разных лиц», М. Александрова ссылается, например, на следующее утверждение: «...Смысл есть отношение субъекта <...> к объекту <...>. Смысл всегда и непоправимо субъективен. Но важно и то, какое ещё количество (и качество субъектов) *разделили созданный тобой смысл*»⁵. Здесь и в подобных случаях происходит смещение. «Непоправимо субъективный смысл» и «историческая трезвость» – совместимы ли они для Б. Окуджавы-прозаика?

Понятие мифа, как оно применяется в ряде цитированных мест, не противоречит «непоправимой субъективности». Тем самым оно безразлично к понятию истины. Между тем Б. Пастернак, высоко ценимый Окуджавой, говорил устами своего героя: «Я не люблю людей, безразличных к истине». Окуджава, как и друзья его когорты, был сосредоточен на поисках истины, а не на исторических фантазиях. В 1976 г. он подчеркивал: «<...> Лет пятнадцать назад у нас значительно усилился интерес к отечественной истории. Появилось много новых специальных исследований, резко возросло число завсегдатаев букинистических магазинов, мемуары и письма деятелей минувших времен пошли на вес золота...»⁶ Это и многое другое говорит, с одной стороны, о том, что Окуджава не был одинок в поисках документов и их подлинного смысла – сошлемся хотя бы на «сундук с письмами» в «Отблеске костра» Ю. Трифонова. С другой стороны, выделенные диссертантом условные оппоненты Окуджавы в результате применения понятия «миф» оказываются вне критики, поскольку имеют право на мнение,

⁵ Эткинд А.М. Расколдовать русскую историю // Анти-Эрлих. PРо-Moldova. СПб., 2006. С. 179.

⁶ Окуджава Б. Далекое и близкое /Беседовала И. Ришина. // Лит. газ. 1976. 17 нояб. №. 46. С. 3.

якобы равноценное всякому другому. Не обезоруживает ли нас избранная методика?

Отметим также некоторые спорные частные соображения. В диссертации противопоставлены справедливо отмеченный отчаянный исторический скепсис в «Свидании с Бонапартом». Ему противопоставлена «гармонизация исторической жизни», «по примеру утопий Пушкина («Капитанская дочка») и Толстого («Война и мир»)» (с. 15). Слово «утопия» в этих рассуждениях термином не является. Не превращается ли оно в этом случае в предвзятую оценочную характеристику?

Вывод о заключении Окуджавы, будто «античность гибнет в качестве прообраза "золотого века" и торжествует как модель "века железного"» (547–548) не показался вполне убедительным, особенно на фоне анализа «античной» темы в «Путешествии дилетантов» – там она предстает скорее идиллической.

В выводах Главы IV (с. 176–177) не отражен, к сожалению, проведенный в ней анализ «грибоедовской легенды» Пушкина в рецепции Окуджавы, между тем как он заслуживает внимания.

Все приведенные нами соображения носят характер научной полемики, поскольку отмеченные особенности не умаляют достоинства основательной работы М.А. Александровой.

Диссертация М.А. Александровой является состоявшимся научным исследованием, которое характеризуется актуальностью, новизной, теоретической и практической значимостью; диссертация соответствует пунктам паспорта научной специальности 10.01.01 – Русская литература: п. 4 – история русской литературы XX–XXI вв., п. 7 – биография и творческий путь писателя. Основные результаты исследования прошли апробацию на конференциях различного уровня, отражены в научных публикациях М.А. Александровой.

По теме диссертации опубликовано 80 работ, в том числе 15 статей в изданиях из перечня ВАК РФ, 2 статьи в международных рецензируемых

журналах (базы Scopus, WoS), 2 монографии и 2 главы в коллективных монографиях.

Автореферат полностью отражает содержание диссертационного исследования.

Заключение: диссертация Александровой Марии Александровны «Творчество Булата Окуджавы и миф о “золотом веке”» соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 – Русская литература, отвечает требованиям пп. 9–14 «Положения о присуждении учёных степеней» (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года, № 842). Автор диссертационного исследования – Александрова Мария Александровна – заслуживает присуждения степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук Бойко Светлана Сергеевна

(специальность – 10.01.01 – Русская литература), профессор кафедры Истории русской литературы новейшего времени Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ)

 /Бойко С.С./

Против включения персональных данных, заключённых в отзыве, в документы, связанные с защитой указанной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.

Дата 20.01.2022

С.С. ЗАВЕРЯЮ
УПРАВЛЕНИЕ КАДРОВ
ТОЛСТЫХ Н.Н.
25.01.2022 г.

Контактная информация:

Почтовый адрес: 125047 ЦФО, Москва, Миусская пл., д. 6.

Электронная почта: svetlana-boyko@yandex.ru

Официальный сайт: <https://www.rsuh.ru>

С работами Бойко С.С. можно ознакомиться по адресу:
https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=788364&pubrole=100&show_refs=1&show_option=0

Отзыв официального оппонента заверяю

Первый проректор
проректор по научной работе

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральный научный центр образования и молодежи
Всероссийский институт гуманитарных исследований
Федеральный центр компетенции в области гуманитарных исследований
ОГРН 10377000671
ОГРН 10377000671